

тексты, ситуации, с которыми связано употребление гл. *прятать* в сфере огневого земледелия, помогает выявить утраченные языком мотивационные звенья, восстановить принадлежность этого глагола к гнезду слав. **pręd-ti* ‘прятать’ [Куркина, 2002, 194 и сл.].

В обозреваемом фрагменте словаря отношения носят системный характер, их отличают повторяемость, регулярность на всех участках поля. В пределах этого фрагмента лексика лишена вторичных, оценочных характеристик. Переосмысление лексики других тематических групп служит источником пополнения состава данной тематической группы. Ее особенности приобретают особую наглядность при сравнении с кулинарной сферой, где представлена лексика с иными мотивационными потенциями к семантической деривации. Если к опорным признакам, организующим систему семантических отношений в кулинарной сфере, относят ‘физический процесс горения’ (ср. **gorěti*, **paliti*, **žegti*), ‘излучение тепла’ (ср. **žarěti*), ‘кипение’ (ср. **vyrěti*, **kypěti*), ‘испарение’ (ср. **prěti*) [Якушкина, 2008, 554 и сл.], то в системе лексики п.-о. земледелия основным является противопоставление глаголов по признаку ‘сила воздействия огня’, именно этим признаком определяется разграничение глаголов со значением ‘гореть’ и ‘тлеть’, ‘гореть’ и ‘быть охваченным пламенем’, ‘гореть’ и ‘прокаливать, излучать тепло, обдавать жаром’. В этой группе не представлена семантика испарения, кипения, характерная для глаголов кулинарной сферы, отсутствуют различия по температурному признаку. Общее содержание поля горения складывается из характеристик отдельных лексических групп, объединяемых общей темой.

Вакарелски Хр. Етнография на България. София, 1974.

Видоески Б. Географската терминологија во дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1999.

Куркина Л. В. К этимологии слав. **prkati* // Балто-славянские исследования. XV. М., 2002.

Смирнова О. С. Термины полеводства и их отражение в топонимии Русского Севера: Дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Якушкина Е. И. К реконструкции структуры праславянского лексико-семантического поля // Славянское языкознание / XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. М., 2008.

И. А. Кюркунова
Петрозаводск

О реконструкции лексики по данным исторической антропонимии

На возможности использования в исторической лексикологии антропонимов, извлеченных из памятников письменности, неоднократно обращали внимание исследователи отечественной ономастики, этимологии, диалектологии (О. Н. Трубачев, Ю. С. Азарх, В. Я. Дерягин, Ю. И. Чайкина, Е. Н. Полякова и др.). В конце 1980–90-х гг. практически одновременно в ономастических школах Ю. И. Чайкиной

и Е. Н. Поляковой были проведены диссертационные исследования по разработке методики реконструкции лексики по данным ономастики, прежде всего для более полного описания лексико-семантической системы русского языка в прошлом.

Суть методики заключалась в сопоставлении имени собственного (прозвища, а также образованного от него патронима или посессивного ойконима), зафиксированного в памятниках письменности, с именем нарицательным, отмеченным в современных говорах, или с однокоренными словами, отмеченными или в памятниках письменности, или в современных диалектах. Так, прозвище *Северюк* (XVI в., Кемская волость) служит косвенным подтверждением существования в XVI в. апеллятива *северюк*. Другим доказательством того, что существительное *северюк* было фактом языка указанного периода, являются материалы говоров, ср. курск., ворон. *северюк* 'утрюмый, суровый человек', 'брюзга' [Даль, 4, 169].

Автор этой работы подобным образом доказал возможность восстановления целых групп лексики в языке донационального периода [см.: Кюришунова, 1994]. Безусловно, отмечался гипотетический характер таких реконструкций. Однако не было учтено, что степень гипотетичности восстановленных лексем может быть различной. Прежде всего это касается именований, для которых в современной диалектной лексической системе не найдено омонимичных апеллятивов, а регистрируются только однокоренные лексемы. Приведем примеры. Патроним *Керкин* (1496 г., Шуныгский пог.) восходит к прозвищу *Керка*, который в свою очередь соотносится только с глагольными лексемами, ср. *кёркать* арх., волог., вят., сев.-двин., ср.-урал. и др. сев.-вост. и вост. говоры, яросл. 'издавать крик (о птицах, животных)', вят., костр., свердл. тобол. 'кричать, орать, браниться' [КСРГК; СРНГ, 13, 188], яросл. 'кашлять' [ЯОС, 5, 29], а также белорус. *керкнуць* 'закудаhtать' [Фасмер, 2, 225], на основе одного из этих значений, вероятно, развились *кёркать* ср.-урал. 'болтать, говорить попусту' и киров. 'капризничать' [СРНГ, 13, 188].

Подобные соотношения с глагольными лексемами находим для следующих имен, отмеченных в документах Карелии XV–XVII вв.: *Брыкин* ← *Брыка*, *Вьюшин* ← *Вьюша*, *Зацепин* ← *Зацепа*, *Мутаров* ← *Мутар*, *Ошмарин* ← *Ошмара*, дер. *Телеповская* ← *Телепов* ← *Телеп*, *Турыгин* ← *Турыга*, *Шварев* ← *Шварь* и т. д.

Поскольку омонимичных апеллятивов в диалектной системе не зафиксировано, то можно предположить, что подобные имена собственные образовывались от глагольных лексем сразу на ономастическом уровне – и говорить в данном случае можно о реконструкции или глагольных лексем (**вьюшити*, **керкати*, **мутарити* и т. д.), или производящих апеллятивных основ (**ошмар-*, **телеп-*, **турыг-* и т. д.) с присоединением к ним на ономастическом уровне нулевого форманта или других материально выраженных экспрессивных суффиксов: *Будыга* ← *будити* + *-ыг(а)*, *Варзака* ← *варзати* + *-ак(а)*, *Виранец* ← *вирати* + *-ец*, *Волижук* ← *волишити* + *-ук*, *Каршица* ← *каршити* + *-иц(а)* и т. д.

По образцу апеллятивного словообразования присоединялись суффиксы и к основам прилагательных: именование *Колмак* можно сравнить с диал. *колматый*, *колмáтый* 'безрогий, комолый' [СРГК, 2, 399], к которому, вероятно, присоединялся экспрессивный суф. *-ак*. Подобным образом могли возникнуть имена *Кремлевик* ← *кремлевый* + *-ик*, ср. ленингр. *кремлёвый* 'крепкий (о людях с твердым, непреклонным характером)' [СРНГ, 15, 211] и *крёмлевый* 'крепкий, прочный' [СРГК, 3, 16]; *Слабырев* ← *Слабырь* ← *слабый* + *-ырь*; *Сухан* ← *сухой* + *-ан*, и т. д.

В ряде случаев современные говоры не дают возможности четко обозначить производящую основу имени собственного. Патроним *Строганов* В. А. Никонов связывал с апеллятивами *строгать* или *строгий*. На наш взгляд, более вероятна связь со словом *строгий*, поскольку суфф. *-ан* использовался чаще в производстве экспрессивных названий лиц от именных основ (*велик-ан* ← *великий*, *долг-ан* ← *долгий*, *пуз-ан* ← *пузо*, *горл-ан* ← *горло*, *старик-ан* ← *старик* и т. п.). Отношение к гл. *строгать* менее вероятно, поскольку в данном случае должно предполагаться образование названия по профессии ('тот, кто занимается строганием'), однако в названиях лиц по профессии суффикс *-ан* не был продуктивным.

Думается, что создание апеллятивных экспрессивов и прозвищ характеризуется общими словопроизводственными процессами. Доказательством могут служить современные диалектные прозвища, которые образовались сразу на ономастическом уровне, ср. прозвища *Дрочина*, данное за излишнюю любовь к детям, животным (возможно, от *дрочить* 'баловать, нежить, холить'); *Лядяга* – за болезненную худобу (от *лядый* 'худой' или *лядеть* 'быть худым', *лядящий* 'болезненно худой'), *Махляга* – за небрежность в ношении одежды (вероятно, от *махляться* 'ходить небрежно одетым') и т. д. Такие прозвища функционируют только как имена собственные.

Куршунова И. А. Славянская антропонимия Карелии в связи с реконструкцией лексики донационального периода: Дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1994.

Н. В. Лабунец
Тюмень

К этимологии топонима *Кармак*

Ойконимия Тюменской области отражает различные этапы русского заселения Сибири. Неоднократно отмечалось, что в течение длительного времени (вплоть до середины XVIII в.) на южных рубежах Тобольского уезда происходили военные столкновения русских отрядов с ногайцами, калмыками – «кучумовыми внучатами», стремившимися вернуть утраченные территории. Военная угроза с юга обусловила необходимость строительства специальных острогов и слобод, входящих в состав «оборонительных линий». Ойконимы *Кармак* (*Кармацкая*), судя по историческим документам, соотносятся с этапом «дозора» сибирских рубежей. Современные населенные пункты, а также отмеченные на картах XIX в. фиксируются на «границе» леса и степи, где проходила Ишимская (Тоболо-Ишимская) укрепленная линия. Факт того, что в условиях военного конфликта лесостепь заселялась позднее, служит дополнительной аргументацией в пользу специфичности указанных названий.

В славянских и неславянских языках, в том числе и в топонимическом употреблении, известен термин *кармак* < тюрк. *qarmaq*, *кармак* 'крючок, удочка' [Будагов, 2, 11], ср. также в говорах тюменских и тобольских татар *кармак* 'крючок; удочка, рогатина', *кармак* 'уда' [Тумашева, Насибуллина, 65; Муминов, 1970. 133; Гиганов, 621].